

A man with extensive tattoos on his arms and neck is leaning against a brick wall at night. He is wearing a black tank top and blue denim jeans with rips at the knees. He has a somber expression, resting his head on his hand. The background is a dark, moody scene with a window showing blinds and some light filtering through. The overall color palette is dominated by blues and purples.

ГРЕШНИК

ЮЛИЯ РЕЗНИК

Юлия Резник
Грешник
Серия «Притяжение», книга 2

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67316547

Аннотация

Она была женой его сына. Но тогда, в самом начале, Глеб Громов об этом не знал. Сначала было... Нет! Даже не слово. Голос...

Глубокий, завораживающий, тягучий, словно мед, который они в далеком, подернутом дымкой времени детстве добывали из гнезд диких пчел, сдирая в кровь коленки и рискуя свалиться с дерева. Он как будто в пропасть упал, как только ее услышал. Не разбирая слов, ничего перед собою не видя. Погружаясь в ее интонации... Чёрт! Она ведь была женой его сына...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Резник

Грешник

Глава 1

Сначала было... Нет! Даже не слово. Голос...

Глубокий, завораживающий, тягучий, словно мед, который они в далеком, подернутом дымкой времени детстве добывали из гнезд диких пчел, сдирая в кровь коленки и рискуя свалиться с дерева.

В детстве обходилось...

Но не теперь. Глеб как будто в пропасть упал, как только ее услышал. Не разбирая слов, ничего перед собою не видя. Погружаясь в ее интонации. Кажется, он даже зажмурился. В испуге ли? Или чтобы просто ничто другое не отвлекло его от Голоса. И все же... И все же скорее первое. Вряд ли бы что-то могло отвлечь его в тот момент. Будь то пожар, наводнение или ядерный взрыв.

Испугался. Он, прошедший через войну, пуганый, пресытившийся, заматеревший и повывавший на своем пути столько, что уже вряд ли какое событие могло вызвать в нем даже блеклую тень эмоций, в тот момент испытал весь их спектр. От ужаса, что такое возможно, до сладкого мучительного счастья, что она с ним все же случилась.

Его женщина.

И все как будто замерло. Остановилось. Звучал лишь ее голос. И почему-то обычно бесшумный звук хода стрелок его часов. Тик-так. Как будто давая старт его новой реальности. Той реальности, в которой теперь она. А все остальное... о ней, для неё.

– Ты меня слышишь?! Глеб?!

Глеб моргнул. Перевел взгляд на дергающую его за руку женщину. Он ее почти не помнил. Встретил бы в толпе – не узнал. В юности она носила длинную тонкую, как веревка, косу, была пышнотелой и разбитной. Сейчас на него смотрела высокая обабившаяся женщина с модной стрижкой-пикси, которая ей, впрочем, совсем не шла, и паутинками легких морщин в уголках карих заплаканных глаз. Игнорируя её, Глеб оглянулся на голос. Ну же... скажи еще хоть что-нибудь! Но его обладательница молчала, склонившись почти к коленям и пряча в лицо с ладонях. У нее что-то случилось? Он хотел это знать, пожалуй, даже больше, чем просто разглядеть внешность.

– Я говорю: тебе бы с ними потолковать! – повысила тон женщина и снова настойчиво его тряхнула. Глеб дернул рукой, избавляясь от её захвата, и несколько раз моргнул. «Соберись!» – приказал себе. Наваждение отступило. Громов осмотрелся. На то, что он в другой раз сделал бы в первые секунды, сейчас ему потребовалось время. Цепкий взгляд профессионала отметил все, что от него укрылось в колдовском

моробе звуков. Расположение в больничном коридоре посторонних, спующий туда-суда медперсонал, два полицейских, переминающихся с ноги на ногу у палаты, за дверями которой, очевидно, боролись за жизнь его сына. Сына, которого он не знал, и в чьем воспитании не участвовал. Профессионалы его уровня семьей не обзаводились. Это было опасно. Прежде всего – для членов таких семей. В элитные, засекреченные до конца своих дней отряды, военных подобного класса и уровня подготовки набирали среди одиночек. Таких, как он.

Кирилл стал ошибкой. Даже когда Глеб ушел на гражданку – он не мог себе позволить отсвечивать. Слишком опасно это было. Любые контакты. Ни семьи, ни постоянной женщины, ни детей, ни дома. Самое лучшее, что мог сделать Глеб для своего сына – держаться от него подальше, раз уж Лариска уперлась родить. И платить им алименты.

На этом участие Глеба Громова в жизни сына заканчивалось. Впрочем, тот даже не знал, кто его отец. Они не виделись. Не пересекались. Не пытались наладить контакт, даже когда это стало возможно. Несколько последних лет, когда пыль осела, и Глеб понял, что может расслабиться, он думал о том, что, возможно, им стоит встретиться. Но что-то в последний момент останавливало. Возможно, понимание того, что момент упущен. Связь отец-сын – штука тонкая. Она формируется не сразу, годами проживания двух самцов на одной территории. Между ними не было этой связи... И

какой тогда смысл себя ломать?

Единственно, что он себе позволил недавно – дать Лариске свой телефонный номер. Как будто чувствовал, что он может той понадобится в самое ближайшее время. У него вообще очень хорошо была развита интуиция. Опасность Глеб чувствовал на подсознательном уровне. Каким-то звериным, воспитанным в себе годами подготовки, чутьем.

Она позвонила часом ранее. Плакала.

– Глеб, с Кириллом случилась беда!

Он, наверное, должен был почувствовать боль, но ее не было. Только годами оттачиваемые инстинкты вскинули головы. Воин в нем насторожился и встал в стойку.

– Что именно произошло?

– На него совершено нападение. Он совсем тяжелый. Но толком мне ничего не объясняют, – давилась слезами Ларка.

– Где вы?

– В окружной...

– Я буду через двадцать минут, – заверил Глеб, сдвигая манжету шикарной, сшитой на заказ рубашки и сверяясь с часами.

Успел бы раньше. Но ему нужно было распорядиться насчет дочки хозяев. Карина Каримова – та еще заноза в заднице. А ведь он за нее отвечал головой. Поднял своих людей. Перепоручил забрать девчонку из школы, куда она вернулась после болезни, и помчал к больнице.

Уже на подъезде пришлось перезвонить Лариске. Он по-

нятия не имел, в каком корпусе их искать, а здесь их не один и не два. Все обойти быстро не получилось бы. Узнал. Старичок-охранник не хотел пропускать на территорию, но корочка помощника депутата решила все. И толку, что она просрочена. Бросил машину у санпропускника, так, чтобы не перекрыть дорогу скорым, и бегом поднялся вверх по крутым ступенькам.

Он был в хорошей форме. В отличной даже... для своих сорока четырех. Это только кажется, что держать себя в руках – дело довольно хлопотное. Херня! Особенно когда от этого напрямую зависит твоя жизнь или жизнь людей, нанявших тебя на работу. Глеб Громов был профессионалом высочайшего уровня. И когда ушел в отставку – ничего не поменялось. Вот уже много лет он возглавлял службу безопасности крупнейшей в стране корпорации. А это тоже та еще морока. Особенно когда твой босс и, пожалуй, единственный близкий человек – Амир Каримов.

Поднявшись на седьмой этаж, Глеб застопорился у входа. Лариску он не видел... Сколько? Пожалуй, лет двадцать пять? Нет... поменьше. Кириллу – двадцать три, а с его матерью они тогда виделись на последних сроках беременности.

Сделал несколько шагов. Стоящая в профиль женщина обернулась:

– Глеб?

– Лара?

– О господи! Глеб... – она преодолела разделяющее их

расстояние и, упав ему на грудь, разрыдалась. Громов стоически терпел, хотя предпочел бы скорее узнать о деталях. А потом... Потом, да, он услышал голос... Глубокий, завораживающий, тягучий, словно мед...

Медленно поднял взгляд. Зажмурился, как ребенок, увидевший чудо. Даже толком ее не рассмотрел, а теперь и вовсе лица не было видно. Как будто она специально пряталась от него в маленьких, каких-то детских, что ли, ладонях.

Ну же! Посмотри на меня! Посмотри... Ему хотелось подбежать к ней и спросить, кто посмел... какой смертник ее обидел?! Но...

– Что ты говоришь?

– Я говорю, тебе бы с ними разобраться! – наманикюренный палец Лариски ткнул в полицейских, и до Глеба наконец-то дошло. – Или с врачами поговорить... Они тоже ни черта мне толком не сообщают! – она снова заплакала.

Глеб кивнул. В который раз бросил взгляд на сидящую чуть в стороне девушку. Простые джинсы, тонкая болотного цвета ветровка, длинные русые волосы. В таком положении трудно судить о росте, весе и всем остальном... Но, господи, кого это волнует?

Собраться. Взять себя в руки. Сначала она – потом все остальное.

Глеб достал телефон, под удивленным Ларкиным взглядом сделал несколько фотографий и отослал те своим ребятам. Чтобы, не дай бог, не потерять свою женщину, пока бу-

дет занят. И уже с чистой совестью подался к ментам.

Поздоровался, будто бы вскользь поинтересовался, в чем подчинении работают парни, кивнул головой. Те как-то сразу поняли, что отвертеться не получится. Признали как своего. И опять же, корочка помощника депутата – вещь поистине великолепная. Хоть и просроченная, да.

– Парня вашего просто забили. Жестоко. Возможно, даже пытали. Если бы не вернувшаяся в клуб барменша, вряд ли бы он выжил.

– Подозреваемые?

– Ничего пока неизвестно. Личности устанавливаются. На месте работает следственно-оперативная группа, да и камеры мы подняли, так что...

Громов кивнул, как если бы и правда верил, что те камеры хоть что-то дадут. Можно подумать, кто-то бы стал совершать преступление, зная, что их снимают. Идиоты. Господи, как они просто живут, не то что с преступностью борются?

– Адрес...

– Что, простите?

– Мне нужен адрес клуба.

Он сам все проверит, если после этих имбецилов останутся хоть какие-нибудь следы. А может быть, лучше... Глеб отошел, на ходу открывая телефонную книжку, где совершенно определенно был записан номер того, кто ему нужен.

– Сергей Романович, Громов. Я по делу...

– Не часто ты меня балуешь, Глеб...

– И слава богу. Мне бы группу нормальную на Греческую. Клуб «Вирус». Ну, и оперативный доступ к данным следствия.

– Личный интерес?

– Самый что ни на есть.

– Хм... Хочешь сказать, что поверишь чьим-то там данным? – отчего-то развеселился собеседник.

– Так точно. Как сам проверю, так сразу.

– Где-то так я и думал. Ладно, будут тебе данные. И люди.

Ты как сам?

– Ничего. Спасибо, Сергей Романович. С меня причитается.

Лисовский как-то сразу понял, что Глебу не до разговоров, обычнолюбящий потрепаться, он быстро свернул беседу и попрощался. Первому дать отбой Глебу не позволяла субординация, хотя уже вроде и не в армейке.

Следующим Громов набрал заместителя. Башковитого парня, которого он как-то сразу выделил среди всех своих, в общем-то, толковых парней. Но этот обращал на себя внимание. Был быстрее, опаснее и умнее. Интеллект – вот, что делает хорошего воина непобедимым. В разговоре с заместителем тон задавал уже Глеб.

– За девушкой приставили людей?

– Старичок с тростью...

Глеб вскинул взгляд. Удовлетворенно кивнул. Маскировка так себе. Хороший спец вмиг просечет. Но перед ним

не стояло каких-то серьезных задач, вот парень и не напрягался. Стой себе и стой. Девочку домой проводи – данные сбрось. И главное – не потеряй. Даже скучно.

Хотя менты, вон, ничего не просекли. Специалисты, мать его...

– Дальше... Пробей, что сможешь, насчет клуба «Вирус». Что вообще за место, каким к нему боком Пахомов Кирилл Владимирович...

Даже отчество у Кирилла было не от него. Ларка выдумала. Будь он Александром или Петром – было бы проще. Глеб – слишком редкое имя, которое, впрочем, вряд ли могло бы вывести на него. Да только он не хотел судьбу испытывать. Громов был известным перестраховщиком. Это его качество спасло не одну жизнь.

– В какую сторону хоть интересоваться?

– Во все стороны, Мат. Мне нужно знать о нем все. С кем были терки, чем живет, кого трахает, куда ходит. Кому перешел дорогу...

– Понял, не дурак.

– Давай тогда, до связи. Жду новостей.

Глеб отвлекся от телефона. Хотел выключить звук, но, подумав, оставил. Только слитным движением пальцев сделал тише. Ларка металась по коридору в полном отчаянии. А его женщина так и сидела неподвижно на стуле, будто бы с ним срослась.

– Ну, что ты выяснил?! – подбежала к нему Лариса и, об-

хватив чуть ниже локтей, снова дернула за руки.

– Нападение в клубе. Убивали целенаправленно и жестоко. Спугнула вернувшаяся барменша.

Ларкин рот искривился, как будто она ждала, что Глеб скажет что-то другое. Может быть, как-то ее утешит. Но он был определенно не по этой части. Да и какой толк скрывать правду, если она все равно рано или поздно всплывет?

Из-за двери со светящимся указателем «реанимация» вышло сразу три человека. Лариска метнулась к ним, Глеб пошел следом.

– Как он?! Почему нам ничего не говорят?! – злилась бывшая, хаотично прыгая взглядом от одного мужика в белом халате к другому. Самый молодой из них, но, видимо, самый главный, проигнорировал ее вопрос и глянул прямо на Глеба. Правильно угадав в нем вожака.

– Тяжелый. Очень. Шансов... – мужчина развел руками, – мало. Мы делаем все возможное.

– Оборудование, лекарства, все, что угодно... – принялся перечислять Глеб.

– Ничего не требуется. Мы располагаем всем необходимым. Следующие сутки станут решающими. Черепно-мозговая очень тяжелая.

Доктор развернулся и пошел вслед за топчущимися у лифта коллегами. Ларка взвыла, метнулась по коридору, но замерла возле сжавшейся в комок девушки.

– Ну, что ты сидишь?! Что сидишь?! Хоть бы подошла!

Хоть бы поинтересовалась, как он! Еще жена, называется! – Глеб застыл, хотя уже было дернулся, чтобы остановить Ларку, которую от бессилия понесло. А та, будто резко вспомнив о нем, обернулась. – А ты что стоишь? Вот... познакомился бы! Невестка наша... Зачарована-заколдована!

– Наташа... – выдохнула его женщина и, наконец, подняла взгляд.

Глава 2

Несколько долгих секунд, пока он смотрел, наверное, в самые синие глаза на свете и судорожно пробирался в дебрях околородственной терминологии, растянулись на целую вечность. Невестка? Невестка... Кажется, это жена сына? Или...

– А вы папа Кирилла, да? Он никогда о вас не рассказывал. Хорошо, что вы приехали... – подала Голос Наташа и, опустив взгляд, растерянно покрутила на безымянном пальце тоненький золотой ободок.

Ага... Выходит, и правда замужем.

Громов завис, хладнокровно анализируя новые вводные. По всему выходило, что дело – дрянь. Замужем – это дело поправимое. А вот то, что за собственным сыном... Наверное, усложняло.

Не то, чтобы он был готов отступить...

Громов сглотнул. Но во рту было сухо и немного горчило. Может, поэтому Глеб и молчал, продолжая на нее пялиться, как идиот. Пока Ларка опять не дернула его за руку.

– Ты, знаешь ли, дедом скоро станешь... – рассмеялась она и опять разрыдалась. У нее не получалось справиться с подступающей истерикой, и та захлестывала женщину все сильнее.

Сердце Громова сжалось. Взгляд, наконец, оторвался от чистых глубоких глаз Наташи и скользнул ниже. Если она и

была беременной – пока это не бросалось в глаза.

Не то, чтобы ее беременность хоть что-то меняла.

– Детей они собрались рожать... Представляешь! Сами еще дети... Кирилл не хотел! А эта дурында уперлась. Ну, что ты молчишь, Наташка?! – рыдала Ларка, даже не догадываясь, как она близка к тому, что рядом с ней, от её необдуманных и обидных слов в адрес невестки – закипает вулкан Глеб Громов. – А теперь, может, и лучше, что она на аборт не пошла?! Может, хоть что-то от Кирюшки останется-я-я, – завывала.

Наташа моргнула. Подняла свои детские ладони и с силой провела по лицу. Обычному, ничем не выдающемуся. На нем лишь глаза привлекали внимание. И красивые брови взлет. Симпатичная, но не более. У него были бабы и покрасивей.

Да только кого это волнует, если теперь не будет вообще ни-ко-го?

Не будет!

– Не надо его хоронить. Пожалуйста... не надо... – наконец послышался Голос, чуть приглушенный от того, что Наташа так и не отвела рук от лица.

– Блаженная! – огрызнулась Ларка. – Ты вообще хоть слышала, что врач сказал, или опять в облаках витала?!

– Прекрати, – пророкотал Громов. Не повышая голоса. Тихо, но так... внушительно, что даже Ларка реветь перестала. А Наташа медленно опустила руки и удивленно на него

уоставилась. Прямо. Не мигая. Глаза в глаза.

– Да что ты...

– У тебя истерика!

– Истерика?! Истерика?! Да что ты об этом знаешь? Я мать! А ты... Ты... – Ларка в бессилии опустила на стул и разрыдалась. Горько. По-бабски. Некрасиво.

– Наташа... – Глеб впервые произнес ее имя и ненадолго запнулся, удивляясь, как правильно оно звучит в его устах. Так живо можно было представить, как он его повторяет по множеству раз на день: Наташа, будешь завтракать? Наташ, а ты не видела мои документы? Наташ, а поехали на рыбалку, а? Наташа... Наташа... Наташа... – Наташа дело говорит! Что ты по нему, как по покойнику? Не ясно еще ничего. Врачи стараются. Не в каменном веке живем. Сейчас подгоним специалистов. Надо будет, за границу отправим. Что ты...

– Умный, думаешь?! А ты поставь себя на мое место! Он у меня оди-и-ин!

– Я понимаю.

– Ни черта! Ни черта ты не понимаешь, Громов... Летчик-залетчик, блин.

Наверное, она имела право его обвинять. Хотя, если так разобраться, залетчиком он не был. Ларка по дурости сама намудрила. Он не тр*хался без презерватива. А эта... дурочка поколола его булавками. Думала, залетит, он все бросит и с ней останется. Влюбилась, типа. Глеб тогда в обычном спецназе служил. С детства занимался единоборствами, да

и с оружием обращаться умел. Взяли в учебку, а у него талант обнаружился. Вот и стали его дрессировать... Не щадя, на износ. Он в короткий отпуск вырвался. Двадцать один всего... Казалось бы – дите. А он уже столько о жизни знал, столько повидал всего, что смотрел по сторонам и диву давался. Как будто старик смотрел.

Ларка привлекла его своей легкостью и смешливостью. Фигура, опять же – не страшно в руки взять. Да и не первый он у нее был... Чего уж. Курортный город, лето, жара... Она – влюбленная дура. А ведь он ничего ей не обещал. Потр*хались с месяцок – и снова его бросили в самую мясорубку.

О том, что она беременна – вообще узнал чудом. Ну, не оставлял Глеб Громов зацепок. Не оставлял... И не было у нее ни его адреса, ни телефона. Как и не было шансов найти. Помог случай. Глеба тогда ранило. Несчастный случай. В бою бы – не так обидно. А так... учения. По легенде, их диверсионная группа должна была взломать защиту и проникнуть на один из военных авианосцев. Задача была простая – найти брешь в защите. Они и нашли. А дальше что-то пошло не так... То ли караул не предупредили, то ли еще что... Да только те огонь открыли на поражение. Идиоты.

Два пулевых. Громова подлатали в госпитале – и домой отпустили долечиваться. Вот в больнице они с Ларкой и встретились. Она – с пузом, он – без права на это.

– Пойдем, отойдем! – распорядился Громов, и было в его голосе что-то такое, что даже истерящая баба не смогла ему

отказать. Поднялась, шмыгая носом. Вытерла тыльной стороной ладони соплю. – Вот, возьми! – протянул платок Громов и оглянулся.

Наташа продолжала неподвижно сидеть на чертовом стуле, ни на что не реагируя. Она его беспокоила. С ней явно было что-то не так. Наверное, шок сказался.

– Наташа, мы в кафетерий. Тебе что-нибудь купить? Чай? Кофе? Поесть?

На секунду она оторвалась от разглядывания своих рук. Уставилась на него тем самым немигающим взглядом. И медленно покачала головой из стороны в сторону. Русая прядь упала на лицо, и Наташа заложила ее за ухо.

– Будь здесь. Мы скоро придем, – непонятно зачем командовал Глеб. Наташа послушно кивнула.

Громов тоже кивнул. Постоял еще немного, в не свойственной ему нерешительности переминаясь с ноги на ногу, но все же двинулся прочь по коридору. С Ларкой нужно было поговорить. И чем быстрее это случится – тем лучше. Для них всех. Особенно для Лариски, ведь если она не заткнется... Если не перестанет давить на Наташу... Он может и не сдержаться.

– Куда ты?

– Здесь есть какой-нибудь буфет?

– Ты что – проголодался?!

– Кофе хочу. Да и тебе не мешает что-нибудь выпить.

Успокоиться.

– Думаешь, это так легко, да? – взвилась женщина.

– Нет. Не думаю. Но твоя истерика – тоже не выход.

Ларка открыла рот, но осеклась, наткнувшись на его предупреждающий взгляд. Отвернулась. Растерла пальцами виски. И снова на него взглянула:

– Он – все, что у меня есть, – прокаркала, с трудом выталикивая из мучительно сжавшегося горла слова.

– Я знаю, Лара. Мне очень жаль. Но тебе нужно быть сильной. Истерикой ты ему не поможешь.

Она всхлипнула. Крупная слеза сорвалась с ресниц и упала на щеку.

– Ты прав... Просто это... слишком.

– Мы найдем этих уродов.

– А что это даст, если мой мальчик...

– Ну, все... Давай. Выдыхай! Лар, это неизвестно сколько продлится. Тут держаться надо, понимаешь. Иначе сгоришь.

– Хорошо...

– Вот и отлично. Пойдем...

Громов поймал пробегающую мимо медсестру и узнал у той насчет кафетерия. Пришлось спуститься на два этажа. За это время Лариска немного пришла в себя. Слезы высохли, хоть глаза и были все еще воспаленными.

– Может быть, нам не стоило уходить? Вдруг что-то случится и...

– Мы тут же поднимемся. Там же... Наташа. Она тебе сообщит.

– Наташа! – фыркнула Ларка и брезгливо поджала тонкие губы. Глеб вздернул бровь, удивленный такой реакцией.

– Ты как будто её не очень жалуешь... – осторожно заметил он, забирая заказ из рук худой, как палка, буфетчицы – два картонных стаканчика и тарелку с бутербродами. Он в таких заведениях не ел уже... лет пятнадцать. Не меньше... Ну, нечего. Поди, не обломится. На службе он в таких передрягах бывал, что чего только ему жрать ни приходилось. От крыс до змей, коими кишели пустыни.

– Не жалую? Да... наверное. Да ты не подумай, она неплохая. Просто... странная какая-то.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, чудная. Не от мира сего. Знаешь, есть люди всякие с отклонениями? Вот Наташка из тех. Есть в ней что-то такое... – Ларка снова растерла лицо ладонями и воткнулась взглядом в свой стаканчик. – Она поздний ребенок. Мать ее далеко за сорок родила. Может, это как-то сказалось. Всякие дауны ведь тоже у позднородящих на свет появляются...

– Постой. Я ничего не понимаю. Что ты хочешь сказать?

Глеб подобрался. Наташа не выглядела умственно отсталой, хотя Лариска, видимо, на это и намекала. Или... она настолько ее не любила, что готова была оклеветать?

– Это не объяснить, – покачала головой Лариса. – Это видеть надо. Она – как бы это сказать? Замкнутая, вся в себе. Но до-о-обренькая! Блаженная, говорю же... У нее мать верующая была.

– Сектантка?

– Да нет! Наша... В церковь ходила. Вот и Наташка в хоре церковном поет. Представляешь?

Глеб кивнул. Ничего удивительного, с таким-то голосом.

– Да ты не подумай, я ж не мегера. Тем более, она за Кирюшей... ты бы видел. В этом плане Наташка и заботливая, и старательная. Любит его, пылинки сдувает. Неплохая девочка, но странная. Опять же, со свадьбой этой... Им же по двадцать три! Ну, какой дурак в таком возрасте женится? А она, типа, до свадьбы ни-ни. Представляешь?! И Кирилла взбаламутила.

Громов сглотнул. Рука на столе сжалась в кулак. И стало мерзко. От Ларки мерзко. От того, что она высмеивает чужую душевную чистоту. Как будто у нее на это имелось право.

– Он – взрослый парень.

– Да... Да. Слушай, думаешь, он поправится?

Ларка всхлипнула, поймала его сжатую в кулак ладонь и пытливно заглянула в глаза. В такие моменты, как этот, правда никому не нужна. Она хочет обмануться. Глеб мог бы сказать, что после тяжелой черепно-мозговой травмы последствия могут быть какими угодно. Что можно выжить, но на всю жизнь остаться растением, и тогда уже, наверное, лучше смерть. Но Громов не стал. В конце концов, он и сам не оракул.

– Мы все для этого сделаем. Все. Я ведь уже сказал...

– Да-да... Я помню. Спасибо...

Глеб кивнул. Есть не стал, хотя бутерброды на тарелке и выглядели довольно привлекательно. Листья салата были свежими, хлеб – хрустящим, а ветчина – не заветренной. Но все равно кусок в горло не лез. И становилось понятно, что чем больше он узнает, тем сильнее в этом всем вязнет, как будто и без этого у него были шансы.

Хотелось узнать Наташу. Не с Ларкиных слов – злых и зашоренных, которые ему так хотелось затолкать ей обратно в глотку. А самому... Шаг за шагом. Чтобы она по доброй воле ему открылась. И почему-то стало стыдно что-то выпытывать за ее спиной. Как будто он не всю жизнь этим занимался. Собирая информацию о недругах и конкурентах.

Сейчас это показалось ему святотатством.

– Пойдем... – вздохнула Ларка и, тяжело опираясь на стол, встала.

Глеб кивнул. Забрал со стола бутерброды и задержался у буфета, чтобы купить чая. Где-то совсем недавно он слышал, что беременным кофе нельзя. Не иначе, как от Каримова. Да, так и есть. Только его начальник, окончательно свихнувшись на своей жене, мог выдать ему эту ценную информацию.

Что ж... Теперь он понимал, как это – помешаться на женщине. Все его инстинкты и вся его мужская суть вопили – вот она. Она... И что с этим делать – он совершенно не знал! Знал только, что она в его жизни будет.

Когда они вернулись на свой этаж, Наташа все так же сиде-

ла на своем стуле. Только теперь чуть вытянула ноги, а спиной облокотилась на стену.

– Наташа, тебе нужно поесть, – тихо сказал Глеб, опускаясь перед ней на корточки. Протянул злосчастную тарелку. Он нескоро еще, наверное, привыкнет к тому, как она смотрит. Прямо в глаза, так что кажется – душу видит. И сама ничего не таит. Может быть, и правда блаженная, да только что это меняет?

Ничего. Для него ничего...

– Спасибо, – поблагодарила тихонько и, послушно взяв бутерброд, откусила. Губы испачкались в майонезе. Она подняла тонкие длинные пальцы и, не отводя от него глаз, стерла след. – Кирилл любит есть всухомятку.

Твою же мать... Кирилл...

Не то, чтобы это что-то меняло...

Глава 3

Глеб сидел в машине и всматривался в желтые окна домов. Он не знал, что делал здесь в двенадцатом часу ночи. Что погнало его сюда через весь город и зачем. Громов был уверен только в одном – своим инстинктам следует верить. Казалось бы, что может случиться? За Наташей есть, кому приглянуть. Он позаботился. Да и вообще... кому может понадобиться эта тихая девочка? Но ведь зудело что-то внутри, ворочалось, не давая ни глаз сомкнуть, ни пусть даже просто сосредоточиться на работе.

Громов чуть сместился, крепче сжав ладонями руль. Из-под рукава свободной толстовки показался циферблат часов. Сколько ему так сидеть? Неизвестно. Впрочем... это не так уж и важно. С собой у него имелся огромный термос крепчайшего кофе, и даже какая-то выпечка, заботливо приготовленные домработницей шефа. Он просил только кофе, но в доме Каримовых о полумерах не слышали. Шикарные условия. Сиди себе – не хочу. Не то, что в армейке, где он мог часами лежать в засаде под палящим солнцем, или, наоборот, в диком холоде, от которого поджимались яйца.

Из подъезда Наташи вышла парочка и, смеясь, побрела по тротуару. Глеб опустил стеклоподъемник, впуская в салон своего Мерседеса свежий аромат весны. Одурающе пахло цветущими абрикосами, влажной после дождя землей и

чем-то тонким, едва уловимым. Может быть, каким-то цветами, щедро устилающими палисадники по весне.

В подворотне заорали кошки. И хоть март был уже давно позади, данный факт несколько не охлаждал котячий пыл. Глеб усмехнулся и, подняв руку, растер пальцем бровь.

Он с большим трудом убедил Наташу поехать домой. Та собралась ночевать в отделении реанимации. А Глеб просто не мог этого допустить. Она же беременная. Ей отдыхать надо, воздухом дышать, а не больничным смрадом. Гулять, опять же, а не весь день на стуле скрюченной сидеть... Громов точно знал обо всех этих рекомендациях, потому как беременная жена его шефа, кажется, нарушала их все. А тот тихонько сатанел, впрочем, ничуть не показывая благоверной своего недовольства. И только когда становилось невмозготу – звонил понить Громову. Со стороны это выглядело так же удивительно, как и смешно. Глеб никогда не думал, что ему посчастливится такое увидеть. Но, если отбросить шутки, Каримов сам виноват. Угораздило ведь жениться на всемирно известном ученом-физике. Не мог же он и вправду рассчитывать на то, что она бросит дело всей своей жизни, чтобы только ему было спокойнее от того, что она не сидит за компьютером?

Ладно. С этим он разберется. И с прогулками, и со всем остальным. Надо будет – сам с ней гулять станет. Ему не трудно. Беспокоило Глеба другое – квартира, в которой Наташа жила, была вовсе не той, что он дарил своему сыну на

свадьбу. И это было довольно странно.

Тренькнул телефон.

– Да!

– Глеб Николаевич. Ну, насчет квартиры мы узнали. Сделка купли-продажи еще в прошлом году через реестр прошла.

Парень квартиру продал.

– А эта? На Пушкина?

– Съемная. Одношка.

– А получше он ничего не нашел? Там же одни клоповники...

– Мы еще роем, но у этого Кирилла, похоже, серьезные финансовые проблемы.

– Рассказывай, что есть. Даже если информации мало.

– По моим предположениям, парень продал квартиру, чтобы выкупить долю в клубе.

– В том самом «Вирусе»?

– Ага. Там в основном малолетки из золотой молодежи тусуются. Серьезных людей не встретить. Разве что их детишек. Парень сунулся в бизнес. У них он там кем-то вроде арт-директора работает, ну, и доля уже почти год, как его.

Громов провел ладонью по щетине. Арт-директор. Его сын... Это в кого у него такие способности? Точно не в него самого. У Глеба с художественной самодеятельностью даже в школе не складывалось. Впрочем, это ли главное? Громов прикинул в уме, сколько Кирилл мог получить за квартиру, какие накопления у него могли остаться с тех бабок, что он

перевел на его счет за эти годы. Трудно было прийти к какому-то заключению, не зная оборотов клуба, но что-то подсказывало Глебу, что этих денег было не так чтобы достаточно.

– Сколько ему принадлежит?

– Двадцать процентов.

– Думаешь, бабла хватило?

– Не думаю. Оборот там навскидку хороший. А по документам – вы знаете, как это делается. Кто ж в них истинное положение вещей покажет...

– Разве что идиот.

– Дерьмовое это место, Глеб Николаевич.

– Почему?

– Нехороший слухок о нем идет. Я тут еще на форумах поотираюсь, присмотрюсь. Но есть информация, что там наркотой бомбят.

Глеб закусил щеку изнутри. Где-то что-то такое он и предполагал. Ну, не проламывают череп просто так. Значит, что-то не поделили. Или дорогу кому перешел... Придурак малолетний.

– Ты уж разберись, Матвей. Мне информация еще вчера была нужна. Менты что-нибудь говорят?

– Не-а. Камеры, естественно, отключили. Но, может быть, что-то удастся нарыть с уличных. Хотя если те ребята вошли, когда клуб работал, и закрытия дожидались внутри – обнаружить их будет еще сложнее.

– Ройте. Мне нужно понимать, что случилось. Все, что найдете на этого парня – шли сразу мне.

– Понял. Работаем.

Глеб отключился. Нет, он не забыл, что поручил разузнать и о Наталье, просто... Ну, не мог он себя заставить вот так о ней... за спиной. Не хотел лишать себя возможности узнавать её шаг за шагом. Сам. Чтобы никто другой о ней этого не знал. Только он.

– Ага... Ты еще завали тех, которые информацию собирают... – хмыкнул сам себе под нос, – совсем сбрендил, Громов...

Сбрендил. Это понятно. Истина, с которой никто не спорил. Ну, из тех, с кем Глеб время от времени разговаривал в своей голове. Мелькнула, правда, малодушная мысль. А что, если показалось?

Ага... как бы не так.

Он, когда ее подвез – еще минут пять, не меньше, потом приходил в себя. Так правильно она смотрелась рядом в его машине. Ладонь чуть смести – ее ладошка. И даже руки зудят – так хочется переплести с ней пальцы. Вляпался...

И ладно бы, баба какая шикарная... Может, его сумасшествие стало бы как-то понятней, а тут... Ну, даже смотреть особо-то не на что, если так... объективно. А у него внутри все в тугие пружины закручивается. И короткими всполохами в голове: моя, моя, моя... По спинному мозгу током проходит и сворачивается тянущей болью в паху.

Полагаете, что он об этом не думал?

Как бы ни так. Думал. Еще как. О жене собственного сына, да.

И это вообще ни черта для него не меняло, хотя Громов пока не придумал, как будет разруливать ситуацию.

Делало ли это его плохим отцом? А он вообще им был? То-то же...

Глеб потянулся за термосом, но замер на полпути. Устался в зеркало. У подъезда остановилась машина, добротная Тойота Прада. Из нее выскочило двое и, остановившись у подъездной двери, завозились.

– Игорь, у нас могут быть гости, – прозвучало в наушнике, а ведь Громов уже привык к тишине. Молодцы его пацаны, все-таки. Профессионалы. Выходит, не одного его смутили подоспевшие ребятки. Чуйка.

Глеб дождался, пока мужики войдут, и на расстоянии двинулся следом. Если он правильно все прикинул – Наташа жила на третьем.

– Кто там? – раздался тихий, приглушенный голос.

– Нам Кирилл нужен.

– Его нет. Уходите.

На площадке послышалась какая-то возня, Громов взбежал по ступенькам, как раз в тот момент, когда началось самое интересное. Один из громил ударил по двери ногой, хлипкая цепочка сорвалась. Его парни, материализовавшиеся будто из ниоткуда, ввалились следом.

И во всем этом шуме и грохоте он слышал только одно – жадный вздох Наташи. Скорее похожий на всхлип. Даже зная, что налетчики ничего не успели ей сделать, Громов осатанел. Его контроль держался на тонкой ниточке, обвитой вокруг ее пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.